

Старый храм (керченская легенда)

В легенде рассказывается о древнейшем памятнике христианского храмового зодчества в **Крыму** — **церкви Иоанна Предтечи** в Керчи. Легенда сохранила память о тех далёких временах, когда христианство и язычество существовали вместе. Сегодня восстановленная реставраторами церковь стала одним из привлекательных туристских объектов.

Храм Св. Иоанна Предтечи в Керчи. Юго-восточный фасад

Теперь старый керченский храм ушёл в землю, сгорбился, как старик, который несёт на плечах много лет.

Кругом выросли богатые, высокие дома, грохочут фабрики; вытянулись, как шея жирафы, заводские трубы. И среди них затерялся старый храм; мало слышен, плохо виден. И все же не хочет перестать жить.

И, может быть, переживёт нас, как пережил многих. Керченские греки в тишине вечера любят слушать мелодичный звон его колоколов; они чтут его старые святыни; поклоняются иконе, которая дошла от дней, когда впервые служил в храме пантикапейский епископ.

Но об этих днях не забыли, хотя и прошли с тех пор многие сотни лет. Не забыли, потому что-то, что случилось, бывает и теперь.

Говорят, в ночь под великий праздник стояли тогда у амвона двенадцать братьев, и тысячная толпа христиан не знала, кто из них прекрасней. Так красивы и стройны были все двенадцать, такою доблестью и отвагою дышали их лица. И светом чистой совести.

Ибо исполненный долг дает её людям, а братья построили храм Предтече, как обещали матери.

— Помяни, Господи, душу её в царстве света.

И епископ, наклоняясь над престолом, поминал имя матери и не поминал двух других: не был христианином отец, а имя безумной сестры не вешалось в храме. Но скорбел о том престолослужитель и шептал трижды святую молитву, когда доносился жалобный стон от окна алтарной абсиды.

Сливался тот стон с голосом декабрьского шторма, и было не по себе многим. Взвизгивал ураган, чтобы заглушить стенанья мятущейся души, и вздрагивали бровью братья от боли и гнева.

Казалось, с порывом бури проникал в храм туманный образ сестры, в струйках кадильного дыма вился по колоннам и, не доходя до престола, угасал в мерцанье догорающих лампад.

Чтобы облегчить сердце, братья думали о чистой душе матери, о светлом часе её кончины. Со светильником в руке, прежде чем проститься с земным, завещала она детям поднять над Пантикапеем крест. Во имя Крестителя.

И поклялись они сделать так, и пока не воздвигнут храма, забыть радости жизни и счастье ликующих грез. Двенадцать братьев и сестра, чище которой не было в мире лилии.

Нужны были годы веры и труда, чтобы исполнить обет. С именем Христа, камень за камнем, братья воздвигали стены. А сестра приносила им пищу, омывала раны и нежной заботой своей отражала душу матери.

Но на Митридатовой горе жил старый жрец, ненавидевший христиан, и сын его, начальник Горной части, был последователем отца.

Он был красив, точно сам Аполлон вдохнул в него часть своей красоты, и смелый взор его проникал в сердце женщины.

Оттого братья боялись, чтобы не увидел он сестры, чище которой не было лилии, как думали они.

Подходила работа к концу, становилось радостнее на душе у братьев, и только скорбная тень на лице девушки печалила их.

— Всё грустит по матери.

Не знали, что случилось.

В летнюю ночь, когда морской залив горел в бриллиантах отражений, сидела она на ступеньках Босфорского схода, глядела в глубокое небо и говорила со звездой.

— Где ты, мама?

И вздрогнула в испуге и в смущении, когда красавец юноша коснулся её плеча.

Его длинные кудри падали чёрными кольцами, и одно из них коснулось её лица. Коснувшись, обвеяло чувством жгучей ласки.

— Кто ты, зачем ты здесь?

Не ответил на это юноша, или не поняла она его. Шепот страсти, как туман, застилает глаза; от него, как от сладкого яда, замирает сердце.

— Уйди, я чужая тебе.

И девушка вырвалась из его объятий.

Не сказала ничего на другой день братьям, только перестала ходить в летнюю ночь на ступени Босфорского схода, чтобы не встретить больше дерзкого.

Она ненавидела его и вспоминала его речь, боясь позабыть хоть слово.

— Ты будешь моя, — говорил он, и билось сердце от голоса власти.

— Оставь свою печаль, — убеждали братья, — скоро поднимем крест; уже радуется светлый дух матери.

И от этих слов ещё тяжелей становилось на душе девушки. Точно кто подломил цветок, а люди, не замечая, говорили о жизни.

Часто не помнила она себя, и когда падал в окно лунный свет, как бледный призрак, тянулась к нему. Был ли то сон, но казалось ей, что чернокудрый юноша опять обнимает её, жжёт огнем холодные уста, прижимает к себе, и от того пустеет сердце. И кто-то другой стал жить в ней. И думая об этом, она не думала уже ни о чём больше.

Не спешила к братьям, позабыла для них слово ласки. И раз совсем не пришла.

Удивились братья.

— Что могло помешать?

И, когда спустились сумерки, поспешили домой. Было смутно на душе; как рассвет дня перед казнью, коснулся и ужас предчувствия.

Уже открылись земле светы ночи, когда братья подошли к дому.

— Отчего не пришла накормить нас? — спросил старший брат, увидев сестру на пороге. Молчала девушка, без слёз плакали глаза.

— Отчего не пришла?

Хотела ответить, но мертвенным шепотом шевелились уста.

В саду звякнул меч. Оглянулись туда.

Стройный юноша, у которого змейками сбегали по плечам кольца чёрных волос, укрылся в тени платана.

— Сын жреца!

Тогда бросился к девушке старший брат.

— Это он?

Словно упавшая одежда, беззвучно опустилась перед ним девушка.

— Анафема veto си!

И взмахом ноги он откинул её далеко за порог. Пролетел в это время пыльный вихрь, подхватил лишнюю песчинку и унёс к морскому заливу.

* * *

В тот день, когда подняли над храмом крест, на церковной площади собрались все христиане города, а вдали от них стояла кучка нехристиан, но не было среди них сына жреца. Он навсегда ушёл из города.

А вечером, когда луна посеребрила поднятый крест, от залива надвинулся белый туман, хотел коснуться креста и унёсся в морскую даль.

Может быть, то не был туман, а поднималась из пучины несчастная душа.

И когда, под великий праздник, в храме служил впервые епископ, это она носилась в вихре урагана вокруг храма.

Прошло немного времени после того, и на город напал отряд варваров. Пантикапейцы храбро защищали свой город, и немало юношей погибло у его стен. Погибли и двенадцать братьев — строителей.

Их похоронили в общей могиле у храма и на память векам прикрыли могилу плитой.

— Куфи автис не и ги. Мир им.

Мир не сошёл на могилу. В ночь под великий праздник прилетает туда тень сестры, белым колеблющимся светом приникает к изголовью могилы, которая уже не видна людям, и тогда плачет кто-то в церковной ограде голосом безысходной тоски.

Но не верит народ в безысходность горя. Есть слух, что должен вернуться юноша с кольцами чёрных волос.

Не тот, что загубил несчастную. Другой, сердце, которого поёт светлый канон. Он придёт к могиле, в ночь под великий праздник, поднимет тяжелую могильную плиту, чтобы мятущаяся тень могла слиться с тенью братьев.

Как никогда, сами собой зазвучат в ту ночь колокола старого храма.

И разнесут по земле мелодию мира и любви.